

В целом, можно сделать вывод о том, что обе республики имеют общие черты субъектов Российской Федерации. Однако Республика Дагестан демонстрирует больший акцент на защите многонационального состава своей республики и предоставлении населению социальных гарантий, Чеченская Республика отражает в конституционных нормах больший акцент на историческом опыте восстановления государственности после кризиса 1990-х годов.

Список использованной литературы

1. Муслимова, Н. Т. Конституция Республики Дагестан 1994 года и особенности формирования политических институтов власти в Дагестане / Н. Т. Муслимова [Электронный ресурс] // ACTA HISTORICA: труды по историческим и обществоведческим наукам. – 2021. – Т. 4. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsiya-respubliki-dagestan-1994-goda-i-osobennosti-formirovaniya-politicheskikh-institutov-vlasti-v-dagestane/viewer> (дата обращения: 08.03.2025).

2. Сайдумов, М. Х. Реализация советской национальной политики при строительстве государственности национальных автономий на юге России: историко-правовые особенности конституционных закреплений / М. Х. Сайдумов [Электронный ресурс] // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2023. – Т. 45. – № 1. URL: <https://goo.su/bfj6> (дата обращения: 11.03.2025).

3. Конституция Чеченской Республики, принята на референдуме 23.03.2003, в ред. от 20.07.2018 [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/819051373?ysclid=m9d67rynlu474168978> (дата обращения: 08.03.2025).

4. Конституция Республики Дагестан, принята Конституционным Собранием 10 июля 2003 г., в ред. от 12.11.2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/802018919?ysclid=m5wppmxc1m838742799> (дата обращения: 08.03.2025).

УДК 34.01

Г. А. Руденков

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В материалах описывается история цифровых прав человека, освещаются правовые акты, обеспечивающие их защиту. Сравниваются меры разных международных организаций по обеспечению защиты цифровых прав. Рассматривается мнение ученых о том, что можно отнести к цифровым правам. Отмечается, что законодательное урегулирование использования искусственного интеллекта необходимо для предотвращения алгоритмической предвзятости при принятии им решений и обеспечения безопасности населения. Подчеркивается недопустимость намеренного ограничения доступа к Интернету.

Права человека отражают условия, в которых развивается государство. Реализация, содержание прав и они сами так же непостоянны, как и соответствующий им исторический контекст. В настоящее время широко распространен Интернет и различные информационные технологии, а значит, права человека получают новые риски быть нарушенными.

Главное, что необходимо отметить в сущности цифровых прав человека – то, что фактически они являются продолжением реализации прав человека предыдущих поколений, адаптированным к цифровым реалиям. Тем не менее, для лучшего их понимания и дальнейшего развития представляется целесообразным рассмотреть отдельные нюансы в их истории.

Впервые понятие цифровых прав человека возникло во время дискуссии о новом, четвертом поколении прав человека. Так, в качестве прав четвертого поколения предлагались права, связанные с биологией и генетикой (соматические права) [1, с. 71; 2, с. 16]. Однако, на наш взгляд, при причислении отдельных прав к четвертому поколению во главу угла должен быть поставлен критерий охвата общественных отношений, в которые включена как можно большая часть населения. Несомненно, таковыми являются нормы в сфере информационных технологий: большинство людей используют электронные устройства, а отсутствие Интернета непредставимо для множества процессов, включая государственное управление. Это и есть принципиальное изменение в общественном укладе за последние десятилетия – переход человечества в цифровую эру. По мнению исследователей, традиционная концепция прав человека находится под давлением, поскольку технологии создают новые условия для их нарушения (смартфоны, интерактивные динамики, фитнес-трекеры и т. д.) [3].

Председатель Конституционного суда Российской Федерации В. Д. Зорькин считает, что к цифровым правам относятся права людей на доступ, использование и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также коммуникационных сетей, в частности, сети Интернет [4]. Собственное мнение на этот счет есть и у белорусских исследователей. Так, Т. В. Сафонова причисляет к цифровым правам право на защиту от информации, причиняющей вред здоровью и развитию, право на забвение, право на электронную цифровую подпись, на создание и использование информационных технологий, информационных систем и информационных сетей, право на защиту персональных данных. Дополнительно причислены к цифровым правам право на доступ к государственным электронным услугам, право на доступ в Интернет, право на цифровую связь и др. [5, с. 457]. Одной из основ цифровых прав можно назвать право на свободу мнений и неприкосновенность частной жизни (о чем также ведет речь Т. В. Сафонова) [5, с. 456].

В середине 1990-х годов дискуссия о цифровых правах, в частности о киберправе, породила термин «лошадиное право», который использовался для определения состояния киберправа в первые годы распространения Интернета. Понятие получило распространение благодаря судье Фрэнку Х. Истербруку, выступившему на конференции по этой теме. Истербрук поднял вопрос о том, что киберправо не нуждается в отделении в самостоятельную область права, потому что «... лучший способ изучить закон, применимый к специализированной деятельности, – это изучить общие правила» [6, с. 1]. Лоуренс Лессиг, профессор Гарвардской школы права, в статье 1999 года выразил несогласие с данным утверждением, аргументировав тем, что право должно развиваться по мере расширения влияния киберпространства [7, с. 502].

Когда речь заходит о цифровых правах, нельзя проигнорировать основные международные нормативные правовые акты, относящиеся к правам человека предыдущего поколения, от которых берут свое начало цифровые права. К таким НПА относится Всеобщая декларация прав человека. 12 статья закрепляет право на защиту от вмешательства в личную и семейную жизнь, тайну корреспонденции. Также к общественным отношениям, возникающим в Интернете, применимы статьи 18, 19, 21 и 27 данного документа [8].

Одной из первых правозащитных организаций, которые озаботились систематизацией цифровых прав, стала Electronic Frontier Foundation (EFF), основанная в 1990 г. в США. Она подняла вопрос о недопустимости цензуры и слежки в Интернете, выступила за свободу выражения мнений в цифровой среде, за право на шифрование переписки и неприкосновенность персональных данных. Именно деятельность EFF и аналогичных организаций поспособствовали включению цифровых прав человека в повестку международных институтов, включая ООН и Европейский союз. Уже в 2011 году ООН признала право на доступ в Интернет неотъемлемым правом человека. Такое заявление было сделано в Докладе по вопросу о поощрении защиты права на свободу мнений и их

свободное выражение. Совет ООН в 2016 году выпустил резолюцию по правам человека, утверждающую недопустимость намеренного ограничения доступа в Интернет правомочием и необходимость обеспечить защиту прав человека в Сети на том же уровне, что и в офлайне.

Рассматривая закрепление цифровых прав на постсоветском пространстве, можно отметить, что в целом право на доступ к Интернету не зафиксировано, возможно, из-за технических проблем обеспечения стабильного сигнала в отдаленных регионах. Однако, например, в законодательстве Республики Беларусь можно найти нормативные правовые акты, регулирующие некоторые цифровые права. Среди таких Законы «Об информации, информатизации и защите информации», «О регистре населения», «О защите персональных данных» и «Об электронном документе и электронной цифровой подписи». В то же время уже несколько стран дальнего зарубежья закрепили право на доступ к Интернету в своем законодательстве, а некоторые из них – даже в Конституции. Кроме ООН принцип открытости Интернета закреплен в Декларации о будущем Интернета, которая была подписана не только государствами-членами ЕС, но и США, Украиной, Грузией, Канадой, Австралией, Израилем, Японией и Сербией 28 апреля 2022 года. Декларация помимо открытости утверждает и то, что Сеть должна придерживаться принципов безопасности, глобальности, свободы и иных.

Дорожная карта по цифровому сотрудничеству ООН определила, что до 2030 года должны быть достигнуты основные цели по обеспечению возможности установления цифровых соединений. Среди них можно назвать общемировой доступ в Интернет, защиту цифровых прав человека, повышение доступности общественных благ и другие.

Еще одним не менее важным документом, закрепляющим цифровые права человека, который приняли в Европейском союзе, стал регламент GDPR от 25 мая 2018 года. Среди нововведений – право на удаление данных пользователя, на исправление своих данных при условии удаления прежних.

2 февраля 2025 года вступили в силу правила обращения с искусственным интеллектом (далее – ИИ), разработанные в ЕС. В соответствии с Законом ЕС об ИИ, стали запрещены системы, подсчитывающие так называемый «социальный рейтинг» (который применяется, например, в Китае), представляющие риски для здоровья и безопасности, а также стало недопустимо использовать программы для распознавания эмоций в учреждениях образования и на рабочих местах. Закон запрещает и использование систем, применимых для технологии Deepfake, копирующей чужие лицо и голос.

Уровень защиты цифровых прав не перестает повышаться и у нас. В СНГ разрабатывают модельный закон о технологиях ИИ и планируют завершить его уже в 2025 году. По словам заместителя генерального директора по научной работе Объединенного института проблем информатики Национальной академии наук Беларуси Сергея Касанина, в сентябре 2024 г. был завершён третий этап работы над данным законом, и целью его является унификация законодательства стран, входящих в СНГ, в сфере регулирования ИИ.

Как можно заметить, основная тенденция разработки новых нормативных правовых актов в различных международных организациях – это регулирование использования ИИ. В ЕС и СНГ это происходит практически одновременно, что свидетельствует о том, что проблема распространения технологий с применением ИИ возникла именно в последние годы, когда его возможности стали выходить за рамки привычного представления. Хотя отставание разработки модельного закона Содружества Независимых Государств от закона ЕС об ИИ и происходит в пределах погрешности, данный факт снова подчеркивает, что на постсоветском пространстве имеется проблема распространения технологий среди населения в целом, и это касается не только доступа к Интернету.

В то время как основной целью СНГ при создании упомянутого закона является стандартизация законов стран-участниц и он не будет противоречить национальным законодательствам, закон ЕС в первую очередь направлен на защиту конкретных прав человека

и не обеспечивает унификацию уже существующих законов государств – членов Европейского союза. Таким образом, можно отметить некое единообразие в разработке соответствующих нормативных правовых актов в странах Содружества и определенную свободу действий для государств в будущем, после публикации закона. В ЕС же, наоборот, прослеживается жесткое верховенство общего законодательства над национальными.

Примечательно, что обеспечение цифровых прав человека началось с международных нормативных правовых актов, а не с национальных. На наш взгляд, это обусловлено тем, что сама проблема возникла в трансграничной среде – в Интернете. Также одной из сторон нарушения прав может выступать и само государство, намеренно ограничивая доступ к Сети и к конкретным интернет-ресурсам, устанавливая тем самым цензуру, поэтому при защите таких прав должен быть кто-то «над» государством, а именно международная организация. Часто в национальном законодательстве прописано, что приоритет в правоприменении имеют международные договоры.

Вспоминая Electronic Frontier Foundation, можно сказать, что в самих США не ведется законодательной деятельности по закреплению цифровых прав, и именно поэтому возникают такие неправительственные правозащитные организации. Однако, несмотря на их неофициальный статус, как уже говорилось выше, они имеют большое влияние как на международной арене, так и в своем государстве. Защита цифровых прав в США обеспечивается таким явлением, как прецедентное право, и конституционными правами на неприкосновенность частной жизни и свободу слова.

Говоря об ИИ, стоит упомянуть, в чем заключаются проблемы его применения. Основные сложности состоят в алгоритмической предвзятости ИИ, которая берется из неправильной интерпретации материала, предоставленного для обучения. В будущем это может привести к серьезным ошибкам в банковской, медицинской сферах и в сфере информационных технологий, в которых для анализа данных и иногда принятия решений используются нейросети [9, с. 29]. Например, рассматривая ошибки в медицинской сфере, можно вспомнить случай, когда алгоритм для прогнозирования объема медицинской помощи пришел к выводу, что чернокожий пациент меньше нуждается в обслуживании, чем белый, так как в прошлом меньше тратил на медицинские услуги. В то время как в действительности траты зависят от социального положения и достатка [10]. Как упоминалось выше, существует технология Deepfake, и, учитывая стремительное развитие генеративного ИИ, особенно в последнее время, она действительно представляет большую опасность. Кроме того, с существующими на данный момент техническими возможностями можно будет генерировать видеоролики для совершения преступлений и введения в заблуждения полностью с нуля.

Подводя итоги, можно отметить, что цифровые права человека постоянно требуют совершенствования их защиты, стремительно расширяется их перечень, так как появляются новые технологии. Законодателям в различных странах сложно успевать за бурно развивающейся цифровой реальностью на протяжении всей истории цифровых прав. Несмотря на то что такие права стали зарождаться еще в 1990-х годах, разработка законодательства продолжается.

Список использованной литературы

1. Рудинский, Ф. М. Гражданские права человека: общетеоретические вопросы / Ф. М. Рудинский // Право и жизнь. – 2000. – №31. – С. 70–78.
2. Лаврик, М. А. К теории соматических прав человека / М. А. Лаврик // Сибирский юридический вестник. – 2005. – № 3. – С. 16–26.
3. Time for a Fourth Generation of Human Rights? // United Nations Research Institute for Social Development [Electronic resource]. – 2018. – Mode of access: <https://www.unrisd.org/en/library/blog-posts/time-for-a-fourth-generation-of-human-rights>. – Date of access: 20.04.2025.

4. Зорькин, В. Д.: Задача государства – признавать и защищать цифровые права граждан / Российская Газета [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>. – Дата доступа: 21.04.2025.
5. Сафонова, Т. В. Понятие и классификация информационных и цифровых прав и свобод человека и гражданина / Т. В. Сафонова // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 73-й Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 11 марта 2021 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – С. 456–458.
6. Easterbrook, Frank H. Cyberspace and the Law of the Horse / Frank H. Easterbrook // University of Chicago Legal Forum №207, 1996. – P. 1–5.
7. Lessig, Lawrence. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach / Lawrence Lessig // Harvard Law Review. – 1999. – №113 (2). – P. 501–549.
8. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : прин. Резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи, 10 декабря 1948 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/declconv/declarations/declhr.shtml>. – Дата доступа: 21.04.2025.
9. Абламейко, С. В. Искусственный интеллект в Беларуси – история и перспективы / С. В. Абламейко // Наука и инновации. – 2021. – №5 (231). – С. 26–31.
10. Dissecting racial bias in an algorithm used to manage the health of populations // Chicago Booth [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access: <https://www.chicagobooth.edu/research/center-for-applied-artificial-intelligence/research/our-faculty-research/2019/dissecting-racial-bias-in-an-algorithm-used-to-manage-the-health-of-populations>. – Date of access: 21.04.2025.

УДК 342.849

Т. В. Сенькова

(Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Республика Беларусь)

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЕ

В материалах рассмотрено понятие электорального суверенитета, впервые получившее закрепление в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, раскрыто его содержание. Исходя из содержания электорального суверенитета автором выделены и охарактеризованы меры, направленные на обеспечение электорального суверенитета. Также автором статьи предлагается закрепление в Избирательном кодексе принципа обеспечения электорального суверенитета, наряду с другими принципами избирательного процесса.

Впервые на законодательном уровне понятие «электоральный суверенитет» получило закрепление в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Под электоральным суверенитетом Концепция понимает «неотъемлемое и исключительное право государства самостоятельно и независимо организовывать и проводить выборы, референдумы в целях обеспечения реализации полновластия народа и свободы его выбора при верховенстве Конституции Республики Беларусь и национального законодательства, недопущения вмешательства в избирательный процесс» [1, п. 4]. В соответствии с положениями Концепции обеспечение электорального суверенитета относится к одному из основных национальных интересов в политической сфере, в свою очередь, осуществление действий, направленных на дискредитацию либо срыв электоральных кампаний, является внутренним источником угрозы национальной безопасности [1, п. 9, п. 31].